

dicitur), см.: *Nalepa J.* Bawaria – Słowianie w Bawarii // *Słownik starożytności słowiańskich.* Т. I. Wrocław etc., 1961. 95–97.

- ¹² Так называемый Синайский требник (*Euchologium Sinaiticum*), глаголическая рукопись XI в., сборник молитв, переведенных на славянский язык накануне прибытия в Моравию первоучителей славян, св. Кирилла и Мефодия. В большинстве это молитвы византийского обряда, переведенные апостолами славян еще в Солуни, несколько молитв происходит из эпохи зальцбургской миссии в Моравии, происхождение нескольких молитв неизвестно. Предложение: *о благовъгъоднѣ трѣбѣ выти словесноумоу семоу слоуженю нашему 60а 14–16* происходит из молитвы в вечернюю службу в праздник Пятидесятницы неустановленного генезиса. Последнее по времени издание требника: *Nahtigal R.* *Euchologium Sinaiticum.* Starocerkvenoslovanski glagolski spomenik, II. del: tekst s komentarjem. Ljubljana, 1942. Детальный семантический анализ староцерковнославянских слов с филологической документацией содержит выходящий в Праге с 1958-го г. *Slovník jazyka staroslověnského.* Его сокращенной версией является однотомный Старославянский словарь (по рукописям X–XI в.) под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- ¹³ *Moszyński L.* *Staropolański teonim Tjarnaglofi.* Proba nowej etymologii // *⟨Tgoli chole Městró⟩*, *Gedenkschrift für Reinhold Olesch.* Köln; Wien, 1990, 33–39.
- ¹⁴ *Moszyński L.* *Starosłoweński i starochorwacki przekład Modlitwy Pańskiej // Zeszyty Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego,* rok XXXIV, nr. 1–2 (133–134). Lublin, 1991 (год публикации – 1994), 175–188.
- ¹⁵ Приведу здесь такие свои публикации, как: *Kryteria stosowane przez Konstantego-Cyryła przy wprowadzaniu wyrazów obcego pochodzenia do tekstów słowiańskich // Slavia.* XXXVIII. N 4, 1969, 552–564; *Міędzy patriarchatem w Konstantynopolu a arcybiskupstwem w Salzburgu // Cyryl i Metody, Apostołowie i Nauczyciele Słowian.* *Teologia w dialogu* 6. Lublin, 1991. Т. I. 35–44; *Znaczenie przedcyrylometodejskich tekstów słowiańskich związanych z misją salzburską dla kształtowania się ogólnosłowiańskiej terminologii chrześcijańskiej // Łódzkie Studia Teologiczne.* Roc. 3. Łódź, 1994, 121–132.

Перевел с польского *О.Н. Трубочев*

О.Н. Трубочев*

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИАЛОГА

Диалог одного автора с другим, в данном случае – в такой распроstrаненной своей форме, как ответ рецензируемого рецензенту, с последующим ответом уже со стороны рецензента, в свою очередь, – есть вещь естественная для научного обмена и в оправдании не нуждающаяся (сама наука, как говорят, – не что иное, как диалог, в котором ни одна из сторон не может претендовать на абсолютную правоту...). Конечно, "продолжение диалога" рискует перерасти в "затянувшийся диалог", то есть в "дискуссию", но можно позволить себе пойти и на такой риск, если обсуждаемые предметы того заслуживают или если ожидаемым итогом будет не личный профит того или другого из дискутирующих, а какая-то польза также для науки. Тут, кажется, у нас нет разногласий с Мошинским, который в письме от 14 октября

* © О.Н. Трубочев

1995 г., присланном одновременно с рукописью доклада **, переведенного выше, сообщил мне, что думает, «że ten "dialog Trubaczowa z Moszyńskim" wniesie do nauki coś pożytecznego».

Если претензия на собственную абсолютную правоту, таким образом, далеко не всегда вызывает сочувствие, то все же у каждого из участников диалога остается неоспоримое право, на котором в любом случае незачем настаивать, – это право быть правильно понятым. Вот с таких "уточнений" и позволю себе начать свою ответную реплику. Сразу замечу, что, вполне сознавая то обстоятельство, что этот диалог разворачивается не на страницах журнала по общим проблемам, а в специальном издании "Этимология", я несколько не вижу в этом обстоятельстве чего-то такого, что ограничивало бы общую перспективу (необходимую всегда!), и даже намерен высказаться об этом особо, поскольку, как оказалось, некоторая ответная критика в мой адрес коснулась именно антитезы "общее" – "частное" и, более того, была сформулирована как обвинение в предпочтении с моей стороны "частного" "общему".

Мне, например, очень не хотелось бы, чтобы и остальные читатели, ознакомившись с моим развернутым откликом на известную книгу Л. Мошинского о дохристианской религии славян в свете славянского языкознания, увидевшим свет в течение 1994 г. в журналах "Zeitschrift für slavische Philologie" и "Вопросы языкознания", а теперь еще и в новом американском журнале "Palaeoslavica" III, 1995 (на обложке и титуле неточно: 1994), Cambridge, Mass., *** – очень не хотелось бы, чтобы читатели пришли к выводу об "отсутствии интереса" у меня к периоду собственно письменной истории и методу, которым обычно исследуют этот период филологи и текстологи, к которым принадлежит Л. Мошинский, но не принадлежит Трубачев, будучи этимологом. Это утверждение (ср. еще далее, в более сильной форме, – о "его – [Трубачева. – О.Т.] антипатии к сфере исследовательского метода, применяемого мной [т.е. Мошинским. – О.Т.]") ни в коей мере не отражает моих "симпатий–антипатий", а вернее сказать, принципов. Не стану я спорить и с трюизмом, к тому же, дважды повторенным, о том, что "нельзя ограничивать лингвистику этимологией", и еще о том, что "лингвистика – это не только этимология". Считая себя в такой ситуации вовсе не обязанным оправдываться дальше, сошлюсь все же, для вящей убедительности, на собственные слова в ситуации очень близкой и потому, думаю, достаточные, чтобы исключить неправильное понимание и слишком свободное толкование. Я готов согласиться, что "цеховые" интересы иногда преувеличенно сильны, что

** Как можно понять из названного письма, речь идет о докладе Л. Мошинского на специальной конференции в Баранове (Польша), посвященной праславянским верованиям и организованной Институтом археологии ПАН.

*** Подобию рода "фронтальную" публикацию можно оправдать ссылкой на неуклонное падение и без того скудных тиражей: "Вопросы языкознания" в 1994 г. – менее 2 тысяч, не лучше обстоят дела и за рубежом.

сказывается на групповых мероприятиях вроде специальных конференций. Я столкнулся с этим явственно несколько лет назад на одной подмосковной конференции по историческому словообразованию. Бросалось в глаза, как участники конференции наперебой объясняли все заинтересовавшие их языковые феномены исключительно из исторического словообразования. Выступая потом на конференции, я высказал то, что, наверное, придется повторить здесь, в новой связи: "Установка на решение проблемы силами одного метода, в рамках одного уровня все менее и менее перспективна. Мне уже не раз приходилось отмечать не всегда четко осознанную, но оттого не менее явную тягу к межуровневым аспектам исследования (например, в практике международных съездов славистов). Надо продолжить работу в этом направлении. Малополезная доктрина **изоморфизма** разных уровней языка давала себя знать и на недавней конференции по историческому словообразованию... Стоит задуматься над тем, правильно ли поступают специалисты, решившие посвятить себя словообразованию да, к тому же, собравшиеся в одно место, скажем, на одну конференцию, если они все или почти все объясняют из словообразования. Нужно чаще напоминать себе и друг другу, что мы лингвисты и что язык в сущности не знает сечений, придуманных нами для нашего же удобства"¹.

Это, пожалуй, мое главное, принципиальное уточнение в споре с Мошинским. Возможны, конечно, и другие уточнения, может быть, более частные, как, например, эта оставшаяся для меня непонятной манера моего оппонента упорно ставить в кавычки выражение "внутренняя реконструкция", употребляемое как название исследовательского приема вовсе не мной одним; как сам прием, так и его название уже относительно не новы, они, можно сказать, прочно вошли в арсенал современного языкознания.

Что еще, может быть, несколько разочаровывает в научном обмене такого рода, так это – характерная отнюдь не только для одного нынешнего диалога – негативная избирательность полемики. Возможно, причина здесь в общечеловеческой слабости, а не в чьих-либо личных упущениях, но нельзя не видеть этого дефицита позитивных констатаций, то есть распространенного отсутствия признания верного хода противника и одновременно – неверности хода собственного. Ведь от этого зависит корректность игры, что кажется применимым и к научному диалогу. Так, в нынешнем тексте ответа Мошинского упомянуто как-то очень кратко и вскользь "известное разночтение у Прокопия Кесарийского: θεῶν ἕνα – θεῶν ἕνα". В действительности же речь идет отнюдь не о рядовом эпизоде, а об одном из центральных **филологических** аргументов в вопросе о единобожии древних славян, и именно так – однозначно, а не в духе "разночтения" это подается в книге Мошинского (с. 66). Сделано это, по-видимому, ошибочно. В своей рецензии на вышеназванную книгу я обращаю внимание на то, что как раз лучшая рукопись Прокопия содержит θεῶν μὲν ἕνα 'одного из богов' позволяя сделать вывод в пользу политеизма праславян, оста-

ваясь при этом исключительно на почве **филологии**. Досадно, что вместо позитивного признания этого неоспоримого факта, мы получили в ответ умолчание.

Чисто этимологических вопросов в нашем обмене оказалось немного (особенно таких, по которым бы наметилась перспектива дальнейшей дискуссии), и я скажу о них дальше. Впрочем, это несколько не умаляет важности отдельных затронутых в ходе обмена приводящихся, в том числе инодисциплинарных, моментов. Учет (или неучет) культурного контекста отнюдь не безразличен и для этимологии. Вот пример, при рассмотрении которого наш автор проявляет, кажется, лишнюю категоричность. Лингвистический аргумент Л. Мошинского призван оспорить сразу два этимологических довода Трубачева – сближение праслав. **navь(jь)* ‘мертвый, умерший’ с индоевропейским названием судна, корабля (мотивация: ‘умерший’ < ‘в лодке погребаемый’?) и толкование названия рая – **rajь* как члена апофонического ряда **rei-*: **roi-*: **rōj-* (ср. **rěka*). Мошинский возражает, что здесь допускается ассоциация “явно с чужими верованиями о перевозе умерших через реку, рассматриваемыми Трубачевым как праиндоевропейские, какие бы то ни было конкретные данные о том, что праславяне представляли себе страну умерших, согласно Трубачеву, как расположенную за рекой (своего рода праславянский Стикс?), отсутствуют”. – В том, что это возражение по меньшей мере неосмотрительно, нетрудно убедиться, справившись в новейших трудах наших этнолингвистов, ср.: “Славянские древности. Этнолингвистический словарь”, s.v. Брод: locus, связанный с представлением о переходе души в иной мир или символизирующий “переходное” состояние индивида... Соотносится с двумя жизненными “переходами” души (см. Переправа через воду)...² Далее там приводится диал., полесск. *брод* в значении ‘агония’, южнославянские словоупотребления *brod* как синонима переправы на пароме, связь мотива брода с мотивами колодца и моста у разных славян; в Банате устраивают “брод” после похорон, употребляя воду из колодца, а также делают специальную дорожку на берегу реки, причем предусматривается даже “плата за воду”.

Вообще славянских данных о тесной связи ‘рая’ и ‘воды’ гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд; некоторые из них приведены уже в книге: О.Н. Трубачев. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования (М., 1991, с. 174, сноска). Существуют и опыты культурной типологии разных представлений о ‘рае’, которые любопытным образом сводятся к трем типам – ‘рай’ как сад, ‘рай’ как город, ‘рай’ как небеса³. Было бы странно, если бы современный взгляд на этимологию слова **rajь* не учитывал этих основополагающих сведений; заметим, что древнему значению ‘богатство’, имплицитному популярным сравнением **rajь* с др.-иран. *rāy-*, среди приведенной выше типологии представлений рая не находится места. Ограждение вокруг ‘рая-сада’ и ‘рая-города’ (кстати, наиболее взаимно родственных представлений) необязательно мыслилось как

‘(садовая, городская) ограда, стена’; наиболее естественно и архаично представление именно о водной преграде. Смущающая при этом Мошинского семантическая эволюция (языческое) ‘рай для всех’ → (христианское) ‘рай для праведников’ все-таки минимальна. Она, во-первых, лишний раз характеризует языковой такт славянских первоучителей, проявленный ими в бережном использовании древнеславянской дохристианской терминологии, а во-вторых, вполне реально смотрится как вновь структурированный фрагмент лексики и семантики: с приходом христианской идеологии в языке славян возникла оппозиционная пара терминов – (старый термин) ‘рай’ и (новый термин) ‘ад’. Новая специализация старого термина и понятия ‘рай’ была в таких обстоятельствах вполне очевидной необходимостью. Еще раз повторю, что на основании всего вышеизложенного мы отвергаем этимологию праслав. **rajь* из иран. *rāy-*, “принятую иранистами” (?; у автора при этом ссылка на суммарный обзор славяно-иранских языковых отношений Ю. Речка). Равным образом вынужден повторить (поскольку это упорно игнорируется), что единственный достоверный иранизм, легший в основу европейского и международного названия ‘рая’ – через греч. *παράδεισος* – никак не связан с иран. *rāy-* ‘богатство’, но восходит как раз к иранскому названию ‘(огражденного) сада’.

Странно читать суждение Мошинского о том, что вышеупомянутая иранская этимология оказывается неприемлемой для Трубачева “также и по причине его теории этногенеза славян, поскольку праславянам, которых он помещает на Среднем Дунае, нелегко было контактировать с иранцами, локализуемыми им к северу от Крыма, между Нижним Днепром и Доном”. Чуть ниже Мошинский, правда, ненароком исправляет эту свою неточность, приводя целую цитату из моей книги по этногенезу, где признаются, естественно, и славяно-иранские отношения – с той разницей, что они знаменуют более позднюю, развитую стадию религии и имеют соответственно более позднюю хронологию, чем отмеченные архаичкой славяно-латинские языковые и религиозные связи.

Моей конкретной аргументации по древнейшим славяно-латинским и идеологическим связям Мошинский практически упорно не видит, что, конечно, облегчает ему собственный вердикт: “Локализация праславян на Среднем Дунае вызывает серьезные сомнения, а, по моему убеждению, она просто невероятна”. Тогда как я ожидал – для большей убедительности – опровержения принимаемых мной славяно-латинских пар. Мошинский ограничился упоминанием только одной из них, наиболее традиционной, – **gověti* – *favere* и, в сущности, признал стоящий за ней тезис об отражении архаического молчаливого почтения высших сил. Не очень логично тогда выглядит высказанное им сомнение в архаичном и элементарном характере этого фрагмента славяно-латинских языковых отношений. Мне остается только гадать, почему Мошинский обошел молчанием предложенные мной “более свежие” пары слав. **manь*/**mana* – лат. *mānēs* etc. и особенно – слав. **bas-*, **nebasъ* – лат. *fās*, *nefās* и заложенное в них совокупное свиде-

тельство об общности переживания зарождения культа предков и формирования архаичных (в том числе для самого латинского) правовых норм. Плохо, если в решающие моменты диалога партнер допускает упомянутый дефицит позитивной констатации, то есть попросту умолчание. Не аргументируемое при этом отрицание оспариваемых им положений, конечно, не становится оттого убедительнее.

Столь же краток и не более аргументирован и другой вердикт Мошинского: "К числу весьма сомнительных выводов я отношу тезис о заповеди, якобы нормирующей духовную, а также религиозную жизнь праславян, – **Znaji svojъ rodъ* ≤ **g'nō- sjom g'enom*". Ведь этот вывод существует не сам по себе, он опирается на констатацию функции ключевого слова у слав. **svojъ*, далее – на явный примат идеологии рода и на антропоцентризм воззрений древнего славянина, насколько он (антропоцентризм) доступен нашей реконструкции. Неужели Мошинский считает серьезной альтернативой праязыковую заповедь "*Тебе надлежит чтить богов*", сконструированную кабинетными индоевропейцами? И это после того как Мошинский, судя по его предшествующему тексту, видимо, согласился со мной в том, что формирование понятия и термина 'бог' – не только не самое древнее, а, скорее, относительно позднее явление на праязыковой шкале относительной хронологии.

Хотя рассуждения нашего автора вокруг словообразования теонима *Porevitъ* относительно более пространны, все же и они вызывают некоторое удивление, поскольку и здесь, оспаривая наличие суффиксального *-ov-itъ* в целой серии однотипных образований *Jarovit, Rujevit, Porevit*, он не в состоянии предложить лучшего решения; остальное – детали: отношение теонимов и антропонимов на *-ovitъ* (разумеется, первичны антропонимы) или убывание западнолехитских антропонимов на *-ov-itъ* как раз по причине сакрализации этой словообразовательной модели именно у западных лехитов. Раз зашла речь о словообразовании, полезно вновь вернуться к слову *тръѡа*. Упорно связывая напрямую лексемы *тръѡа* и *тръѡити* (*лѡсь*), Мошинский незаметно опускает промежуточные моменты образования слов и значений. Противясь иному пониманию (*тръѡа* как первоначальное 'острая необходимость, дело'), он невольно вступает в противоречие с самим собой и привлекаемыми им самими фактами филологии (и теологии), взять например древнюю синонимизацию *тръѡа* и *дѡло сотонинно*, далее – толкование *тръѡа* как 'бескровная жертва', что следует понимать как дезактуализацию связей *тръѡа* и *тръѡити* 'наносить удары острым': ощущение этой этимологической связи как живой как раз больше подходило бы для значения *тръѡа* 'кровавая жертва', но эту возможность мы вместе с Мошинским отвергаем, расходясь с ним в понимании словообразовательно-семантической иерархии, о которой – выше. Возможно, следует прислушаться к филологическим наблюдениям Мошинского о семантической неадекватности праслав. **bѣsъ*

и христианского διάβολος 'дьявол, сатана' ('бес' семантически скуднее и ниже рангом).

Не покидая сферы религиозной лексики, коснемся еще одного вопроса словообразования, представляющего общий интерес. Уже в "Примечаниях" к своему нынешнему тексту Мошинский готов оспорить принимаемую мной двойную праформу имени *velesъ – *velsъ на том основании, что "в праславянском словарном составе нет других примеров суффиксальной вариантности *-esъ/*sъ..." Мы должны постоянно помнить, каким особым материалом мы занимаемся, вступая в область религиозной лексики и теонимии. Сакрализация способна создавать ситуации уникальности в ономастике (вспомним вероятность вытеснения случаев *rajъ из низовой гидронимии) и в словообразовании. Сейчас мы в силах назвать -s-соответствие славянскому -es-суффиксу только по ту сторону балто-славянской языковой границы – ятвяжское *bilsas* 'белый', лит. *Bilsas*, название озера, ср. слав. *bĕlesъjь, рус. *белёсий* и др. (ЭССЯ 2, 63), но в древности могло быть иначе.

Вовсе не претендуя на одностороннее завершение диалога (или дискуссии) и тем самым – вполне допуская, что и у моего польского коллеги найдется, что ответить или о чем поставить вопрос, я намеренно воздержусь от обобщений и "закругляющих" выводов, наоборот – закончу еще одним совершенно конкретным наблюдением о названии божества *Tjarnaglofi*, которому в ответе Мошинского отведено очень много места и внимания после критики Трубачева. Случай, надо признать, очень трудный, и едва ли верно видеть в этой скандинавской записи XIII в. правильную транскрипцию празападнолехитского *tjŋ- > *tarn/carn 'терн, колочка', как, кажется, готов сделать Мошинский в своем осмыслении *Tjarnaglofi* как 'терноголовый, tarnogłowu' применительно к Христу. Дело не только в том, что эта ученая этимология будет в лучшем случае вторичным осмыслением, ведь первично тут, в том числе и по скандинавским сведениям, туземное, языческое, название божества победы у местных славян. Но не следует забывать и о том, что в скандинавской передаче проблематичной по-прежнему славянской формы явно имела место скандинавская языковая субституция, ср. признаки наличия именно скандинавского преломления гласных (*tjarna-* < *terna-? *tirna-?), а также возможного приспособления к своим привычным, скандинавским формам языка.

Примечания

¹ Трубачев О.Н. Синхрония, диахрония – und kein Ende... Маргиналии к конференции по русскому историческому словообразованию (Звенигород, осень 1989 г.) // *Slavia. Ročník*. 62, 1993, 68–70; особенно 70, где далее говорится на конкретных примерах о необходимости учитывать сложное переплетение также морфологических, фонетических, семантических факторов.

² Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. I. М., 1995, 263.

³ Аверинцев С.С. Рай // Мифы народов мира. Энциклопедия. 2-ое изд. Т. 2. М., 1988, 364.